

Переживет ли марксизм перестройку?

Публикуемая статья заключает нашу дискуссию о судьбах марксизма не потому, что она дает окончательный ответ на поставленный ею вопрос, а как раз наоборот — указывает на невозможность такого ответа, хотя бы потому что любая теория вообще не может исчезнуть бесследно. К тому же марксизм все еще остается достаточно актуальным мировоззрением для нашего времени, и сама перестройка не получила еще вполне оформленного вида, чтобы сказать, подходит ей марксизм или уже нет. Как говорится, проживем — увидим. Время все расставит по своим местам.

А пока предоставляем слово кандидату философских наук, доценту Уральского педагогического института Станиславу НЕКРАСОВУ.

В дальнейшем мы намерены продолжать обсуждение этой темы в других рубриках "ОНС".

С. НЕКРАСОВ: Второй круг марксизма

Задумываясь над феноменом сталинского тоталитаризма, растянутого в реальном времени от Сталина до Чаушеску, нельзя не заметить того, что марксизм завершил на сегодня первый круг своего исторического развития — превратился в законченную идеологию левого отрицания. При внешне противоположных ответах на молчаливо подразумеваемый вопрос — «Кто виноват: марксизм или Россия?» — и А. Ципко, и Н. Андреева фиксируют некую остановку процесса, подведение итогов самой историей и выход на вторую орбиту учения К. Маркса.

Действительно, в тоталитаризме собраны воедино, скомканы историей **я** гуманистические работы молодого Маркса, и зрелые тексты лондонского периода, и последние письма 90-х годов Ф. Энгельса, и опыт метаморфоз ленинизма, своеобразно воспринятого западными и восточными компартиями. От тоталитаризма, точнее, от его теоретического разоблачения начинается возврат к марксизму. Первоначально этот возврат реализуется в форме идеологии гуманизма и лозунга гуманного социализма в духе марксовых рукописей 1844 г., затем в форме антигуманизма в духе

надличностного метода «Капитала», далее в виде рационалистического выбора в теории или практике (Сталин или Ленин — нынешняя баррикада перестройки) и, наконец, **в** виде плюрализма всех знаний и практик как новых источников и составных частей марксизма. Такое поэлементное возвращение марксизма может быть либо «регрессивной метаморфозой» (Н. Бердяев), либо его возрождением. Постараемся разобраться в этой дилемме.

* * *

Социалистическая идея всегда обладала для марксистов-интеллектуалов (и тем более для русской интеллигенции) особой привлекательностью. Действительно, марксистский проект глобального изменения общества опирается на исторический материализм, анализирующий движение истории, полагающий классовую борьбу в качестве ее движущей силы. Во главе движения истории находится рабочий класс как самый передовой, выражающий высшую историческую рациональность. В рамках такого понимания

истории социалистический проект в сущности комбинирует справедливость и рациональность социально-экономического устройства общества. Коммунистическая партия лишь приводит в повседневное движение эту диалектику истории.

Сталинизм подорвал самую веру в марксистский проект. Вспомним, что замена диктатуры пролетариата диктатурой номенклатуры, разоблачения культа личности и его последствий XX съездом КПСС уже в 50—60-е годы поставили левых интеллектуалов Запада в трудное положение, особенно на фоне развивавшегося кризиса международного коммунистического движения. Очень трудно было противостоять тогдашнему гуманистическому «прибою» и иным формам штурма марксизма буржуазной идеологией.

Во Франции в эти годы коммунисты-философы отчетливо осознали, что философия в сущности является политикой, что быть «коммунистом-философом» очень трудно. Это значит быть приверженцем и творцом марксистско-ленинской философии — «диалектического материализма». Но профессор философии по своему социальному положению является мелким буржуа: когда он открывает рот, говорит мелкая буржуазия, ее акциденции беспредельны. Это положение Л. Альтюссера созвучно ленинской оценке интеллигенции: как индивиды интеллигенты могут быть мужественны и декларативно революционны, но в массе они остаются «неисправимо» мелкобуржуазными по своей идеологии. В большинстве случаев теории интеллектуалов-коммунистов оказываются подчинены идеологии буржуазии.

В 60-е годы, полагает Альтюссер, в марксистской философии назрел «теоретический скандал». Марксистской теории угрожала в первую очередь «буржуазная и мелкобуржуазная картина мира». Он подчеркивает: «Общая форма этой концепции мира: экономизм (сегодня «технократизм») и его «духовное дополнение» — моральный идеализм (сегодня «гуманизм») ¹. Экономизм и гуманизм составляют фундаментальную пару буржуазной концепции мира с момента возникновения буржуазии. И далее: «Современная философская форма этой концепции мира: неопозитивизм и его «духовное дополнение» — феноменологический субъективизм-экзистенциализм» ².

¹ A l t u s s e r L. Positions. Paris, 1982, p. 49.

² Ibidem.

Сам Альтюссер выдвигает требование бегства от сталинизма через развитие науки, к которой «Маркс дал нам ключи» ³ и новой философии, соответствующей требованиям борьбы революционных классов. Гуманизм, возникающий на острие критики сталинизма, объявляется компонентом буржуазной идеологии, а сама философия осмысления гуманизма и антигуманизма оказывается «борьбой классов в теории».

Для Альтюссера, выросшего в борьбе с бесклассовым гуманизмом Р. Гароди, «философская битва № 1» разыгрывается на границе между научностью и идеологичностью:

философы-идеалисты, эксплуатирующие науки, борются против философов-материалистов, служащих наукам. Однако открытая Марксом новая наука об истории меняет всю ситуацию в теоретической области: она позволяет покончить с традиционным господством идеализма. Отсюда огромное внимание Альтюссера к словарию «философской практики», который обозначает «линию демаркации» между ложными и истинными идеями, а в конечном счете и между антагонистическими классами. Философия помогает людям различать в теории и в идеях верные положения и ложные. Оружием в политической борьбе служат слова. Альтюссер подчеркивает, что борьба классов может порой резюмироваться в борьбе за или против слова, за термин. Таково слово «гуманизм». Хотя коммунисты борются за свободное, справедливое общество, нельзя говорить, что марксизм — это гуманизм, ибо на практике термин «гуманизм» используется буржуазной идеологией для противопоставления «жизненно важному для пролетариата понятию: **борьба классов**».

Другой пример Альтюссера: марксисты должны отказаться от выражения «человек творит историю». Почему? Потому что оно используется буржуазной идеологией в противовес пролетарскому выражению: «массы творят историю». Философия, следовательно, сражается за понятия, за слова, за их верный смысл и его нюансы, и эта борьба является частью политической борьбы. Так, марксизм ведет бой и в сфере научных понятий («концепция», «теория», «отчуждение», «дискурс»),

³ По мысли Альтюссера, Маркс основал «новую науку: науку об истории». Альтюссер обращается к образу континентов, которые открывает познание. До Маркса были открыты два континента: математика (греки) и физика (Галилей); Маркс открыл третий — историю.

в сфере обычных, выражающих их терминов («люди», «массы», «народ», «борьба классов»). Следует отметить, что жесткий классовый подход в понимании марксизма как «теоретического антигуманизма» пришел во французской компартии (ФКП) на смену преобладающей в ней в первую половину 60-х годов стратегии «открытых объятий» марксистского гуманизма. Выдвинутая бывшим членом ЦК партии Р. Гароди, она критиковала отчуждение и дегуманизацию в деголлевской Франции, стремилась реализовать диалог и единство с гуманистами, экзистенциалистами, социалистами и христианами⁴. Идеи Гароди на практике совпадали с известным тезисом Ж.-П. Сартра «экзистенциализм — это гуманизм». Тем самым Гароди интегрировал идеи молодого Маркса в тогдашнюю ортодоксию ФКП.

Тогда же вместе с М. Годелье и Л. Себагом — молодыми антропологами-марксистами — Альтюссер подготовил структуралистскую интерпретацию трудов Маркса. Речь идет о выделении в работах Маркса периода (до 1845 г.), содержащего отрыв («купюру») от буржуазной идеологии, я периода созревания (1845—1857 гг.). Такая периодизация предполагала выявление «белых пятен марксизма» — остатков перевернутого гегельянства. Таковыми оказываются модель базиса и надстройки и иные фантомы, идущие от «тени Гегеля». Поэтому открытый Марксом в «Капитале» исторический материализм не концептуализирован как новая наука, не приведен в состояние теоретичности и заражен идеологическими терминами, гегелевским способом изложения, с которыми Маркс имел слабость кокетничать.

Но если пара экзистенциализм — гуманизм как сердцевина буржуазной идеологии была отвергнута на пленуме ЦК ФКП в Аржантее (1966 г.) и заменена на модель марксизма как «теоретического антигуманизма», затем подвергнутую Альтюссером «самокритике», то каково же значение всей этой, казалось бы, абстрактной дискуссии о терминах для понимания марксистского проекта и его социалистической судьбы?

Альтюссер подчеркивает, что и в социалистическом обществе история оказывается постоянной трансформацией условий жизни людей, при этом изменение сознания людей

в соответствии с этими условиями контролируется только идеологией. В условиях десталинизации, когда проблемы морали и политики выходят на первый план, начинает господствовать идеология молодого Маркса. Она может временно заменять теорию, отвергая догматизм сталинизма. Поэтому Альтюссер вовсе не отвергает гуманизм развивающегося социализма, стоящего на повестке дня. Но поскольку самое ценное в мире — это возможность научного познания, то и социалистический гуманизм должен служить познанию. Однако XX съезд КПСС, полагает Альтюссер, псевдомарксистски объяснив нарушения социалистической законности и отнеся культ личности к надстройке, внедрил «сердце» буржуазной идеологии (гуманизм) в рабочее движение и в обновление социализма, что и заставляет творческих марксистов прибегнуть к испытанному оружию марксизма — философии. Для Альтюссера сталинские преступления — это не отклонения и деформации социализма, но продукт продолжающейся классовой борьбы. При этом классовая борьба делает историю загадочной, не укладывающейся в прокрустово ложе марксизма: загадочна история после 1917 г., а после 1968 г. ее вообще «трудно понять», ибо массы творят историю в соответствии со своими иллюзиями. Необходимо преобразование практики масс в философские тезисы. Центральная задача здесь — критика гуманизма, ликвидация кантовского наследия путем устранения понятия субъекта. Именно поэтому вслед за удалением ревизионистской модели гуманизма из марксистской теории должно последовать ее выбрасывание из практики.

Общая реакция университетской элиты во Франции 60-х годов на гуманизм была однозначной: провозглашались «смерть человека» (термин М. Фуко), подчинение субъекта моделям означения (в работах Р. Барта и Ж.-Лакана), противостояние науки и идеологии (Л. Альтюссер и Э. Балибар). Эту реакцию усилило отторжение студенческими бунтарями 1968 г. привилегий носителей знания — отсюда и возрождение тезиса К. Каутского «наука принадлежит интеллектуалам». Окончательно идеалы гуманизма были изжиты в авангардистской философии «новых философов» в конце 70-х годов.

Хотя Альтюссер считал, что в сфере чистой науки борьба классов невозможна, тем не менее в реальных текстах классовая борьба обязательно представлена. Так, даже в текстах

⁴ См. Грецкий М. Н. Марксистская философская мысль во Франции. М., 1977, гл. 2, § 2.

Маркса отражается классовая борьба: когда Маркс говорит «объективный процесс», его устами вещает пролетариат, когда же он говорит об отчуждении человека и гуманизме, в его рассуждения проникает буржуазия.

* * *

Слишком буквальное усвоение многих тезисов Альтюссера привело к серьезным конфузам. Так, прямое объявление человека мифом буржуазной идеологии, а марксизма — негуманизмом, противоречит повседневной борьбе рабочих за свои права, противоречит и понятой нами не столь давно человеческой направленности рыночной экономики, большей перспективности групповой, коллективной собственности.

Любопытно, что сам Альтюссер, видимо, разделял свои жесткие тезисы и их практические выводы. Так, он нигде не критиковал чехословацкий эксперимент 1968 г. по введению социализма с человеческим лицом, ни сам марксистский лозунг об уничтожении эксплуатации человека человеком. Для антигуманистов — все это слова, которые отражают и маскируют господство буржуазии⁵. Поэтому, не принимая крайне маоистские тезисы, но осуществляя, по сути, маоистскую критику сталинизма, Альтюссер поддерживает тезис о культурной революции как классовой борьбе — бесконечной борьбе мнений в условиях буржуазного инфицирования мысли и усиления пролетарского антигуманизма и анти-экономизма.

Борьба классов в идеологии возникает у Альтюссера в фетишизированной форме как классовая борьба между идеологией — оружием господствующего класса и научной теорией — оружием угнетенного класса. Думается, что «теорецизм» Альтюссера явился реакцией одновременно на сталинизм и непоследовательные решения XX и XXII съездов КПСС. Теорецизм был оружием против догматизма — инструментализации марксистской теории. Весь альтюссеризм реагировал на фактическое положение марксизма как служанки политики, как идеологии, подчиненной требованиям пропаганды. Отказ от инструментализации теории выглядит как обращение к анализу реальной ситуации, к продвижению вперед теоретического изуче-

ния реальных противоречий в конкретных ситуациях. Понятно, что теорецизм Альтюссера чрезвычайно практичен, поскольку он позволяет эффективно познавать те сферы и проблемы, в которых решающее значение имеет борьба классов.

С этой точки зрения исследования человека, развернувшиеся в советской философской литературе, борьба с бездушием философской догматики сталинизма и административной системы, разоблачения сталинизма XX и XXII съездами КПСС выступают всего лишь как непоследовательная гуманистическая реакция на сталинизм, закрывающая возможность совершенно иного анализа реальности.

Не устранение понятия субъекта, но научное объяснение механизма идеологического превращения индивидов в субъекты — вот генеральная линия позднего теоретического анализа Альтюссера, которую следовало бы назвать новым рационализмом марксистского типа (по аналогии с новым рационализмом Г. Башляра). Безусловное значение идей Альтюссера для коммунистического движения и реализации социалистической идеи не оправдывает, однако, схематизма и безапелляционности многих его философских построений. Так, сомнение вызывает его центральное утверждение, что Маркс вплоть до 1845 г. выводил всю историю и политику из сущности человека.

Урок альтюссеровской сшибки гуманизма и антигуманизма — особенно важный для нашей перестройки — заключается в его критике гегельянской и утопической струи в марксизме, в его отрицании экономического детерминизма и эмпиризма. В целом Альтюссер развил концептуальную модель отношений между теорией и политической практикой, включающую традиционные философские идеалистические определения «субъекта», «человека», «идеологии» в новый структуралистский контекст. Таким образом, марксистская реакция на сталинизм и процесс возвращения марксизма прошли гуманистическую стадию (Р. Гароди, решения XX съезда КПСС) и структуралистскую антигуманистическую стадию (Л. Альтюссер с последователями). Впереди оставались рационалистическая и иррационалистическая (плюралистическая) метаморфозы марксизма. Если первые две ступени только ставили вопрос об отделении марксизма от его социалистической реализации, то на двух последних это отделение было осуществлено: социализм в целом был понят

⁵ См. Некрасов С. Н. К критике теорий «дискурсии власти» и «власти дискурсии». «Вопросы философии», 1987, № 9.

как распадающееся, недолгое «царство труда», вдохновленное идеалами пролетариата. На смену ему приходит коммунистическое общество с его эмансипатором — интеллигенцией, обладающей зрелой плюралистически ориентированной марксистской идеологией.

* * *

В эпоху перестройки взгляды А. Тойнби и Н. Бердяева на проблему происхождения сталинской системы — из марксистской ли эсхатологии или из «русской идеи» — были рационалистически трансформированы в вопрос об исторической ответственности: «Кто виноват?». Сам этот вопрос впервые был так сформулирован в конце 70-х годов в парижской телестудии во время дебатов М. Фуко и В. Некрасова по проблеме власти. В результате были заранее разведены марксизм и Россия.

Наши консерваторы однозначно встали на сторону марксизма, защищая непогрешимость социальной теории пролетариата (ибо пролетариат «не может ошибаться» вследствие универсальности своих интересов — такова философско-умозрительная конструкция раннего Маркса). Сталинское обвинение крестьян и интеллигенции в инертности, проникнутое духом жесткого классового детерминизма, не имеет ничего общего с ленинским курсом на коррекцию марксистского мировоззрения в соответствии с требованиями реальности, с мартовским 1921 г. (а затем 1985 г.) поворотом курса партии к реальности.

На противоположной стороне баррикады «теория — реальность» занимают позицию последователи французских «новых философов», возлагающих всю ответственность за путь Европы и России в XX в. на марксизм и шире — на теорию социального прогресса, построенную на рационалистических эсхатологических традициях философии древних и французского Просвещения XVIII века. ГУЛАГ объявлялся Б. Леви в конце 70-х годов наиболее важным следствием просвещения. «Разум — это тоталитаризм» (Ж.-П. Долле), наука тоталитарна и догматична, марксизм — наука и догма, следовательно, марксизм и идея прогресса репрессивны.

Мне уже приходилось писать о специфике аргументации «новых философов» и их нехитрых силлогизмах, направленных против рационалистической социальной теории. «Зловещая роль марксизма», провозглашенная ими, ставит под сомнение просвещение и разум.

Ключевой, скрытой и вседоказующей фигурой в их построениях был Сталин. Надо отдать должное мужеству французских коммунистов, неизменно на всех последних съездах выделявших в отчетных докладах разделы о критике культа личности и десталинизации. Именно это дало полное основание Ж. Марше отметить еще в 1979 г. на съезде партии: «Центральная идея «новой философии» — никакая революция не может быть ни возможна, ни желательна, поскольку нельзя ни верить, ни ожидать ничего — человечество обречено на поражение. Эти авторы говорят о "смерти мифов": оказывается надо верить, что наука «мертва», Маркс «мертв», социализм «мертв», и не только в странах, где он существует, но и как возможность, конкретная надежда для любой страны. Но если социализм есть миф, который нужно преодолеть, что остается людям, кроме как принять капитализм?»⁶.

В этом рассуждении следует видеть и изрядную долю коммунистической ортодоксии: на самом деле речь может и должна идти для марксистов ни о восстановлении социализма, ни о реставрации капитализма, но о естественном историческом движении коммунистической эмансипации путем вырывания власти у бюрократии. Очевидно, что новифилософские атаки на теорию марксизма предполагают либералистскую защиту реальности западного капитализма. Естественной реакцией на эту защиту явилось последующее обращение «новых правых» (на Западе и в СССР) к мистической, спиритуалистической, почвеннической мысли, к консервативному мифу в целом, т. е. ко всему, что было отброшено просветителями как заблуждение. С этой стороны баррикады, т. е. со стороны защитников реальности, социализм видится как самая «зловещая реальность», несущая в себе ГУЛАГ в зародыше не потому, что социализм деформирован, окарикатурен, но потому, что он чрезмерно верен самой идее разума (совсем как Сталин в описании А. Ципко), прогресса, насильственного осчастливливания человечества. Соответственно, делается заключение, что социализм не является альтернативой капитализму но лишь его — капитализма — наиболее жестокой, концентрированной формой, порожденной мифологической теорией XIX века. Заключение в общем-то верное для нашего времени, т. е. для времени распада социализма.

⁶ XXIII Congres du PCF. «Cahiers du Communisme», 1979, No. 6—7, p. 72.

и взятия власти интеллигенцией, как времени коммунистической революции. Однако для начала XX в. это заключение ошибочно, ибо оно стирает большую прогрессивность «царства труда» в сравнении с «классическим капитализмом».

Очевидно, что возведенная баррикада — оппозиция теории и практики — должна быть разобрана и подвергнута критике. Имеется в виду, что сама реальность может быть понята как сплав теории — в формах идеологии, утопии, науки, мифа — с деятельностью людей. В основе деятельности лежит первичная символическая акция, и уже потом возникает оппозиция: теория — практика, идеология — наука. Новофилософская атака на теорию и наша домостроевская консервативная атака на неподдающуюся влиянию марксистской теории реальность едины в одном — в абсолютизации роли идеологии как чисто репрессивного механизма власти языка и дискурсивного оформления этой власти⁷. Наука при этом выступает как особый вид дискурсивности — как передетая идеология, ориентированная на правдоподобные выводы. Однако разведение теории и практики и возложение исторической вины на теорию с последующим упованием на позитивную и эмансипирующую роль социальной науки присущи и сторонникам перестройки, видящим лишь противника по ту сторону баррикады и не осознающим собственной скрытой просветительской позиции.

Наиболее глубокие наши ученые (в отличие от «серьезных публицистов») предпринимают общую критику тоталитарной идеологии сталинизма, разбор ее моделей, выявление «ошибок классиков» и деутопизацию образа социализма. Речь идет о серьезных работах А. Ципко, Э. Баталова, А. Гулыги, Ф. Кессиди. В отличие от «новых философов» и наших догматиков они выступают за развитие науки о социально-историческом прогрессе, против утопий и заблуждений эпохи, вытекающих из всего революционного дела, «максимализма нашей интеллигенции», а не личных ошибок Сталина. Все они отвергают историческую необходимость иллюзий, подчеркивают важность науки, проливающей свет на «белые пятна» истории, позволяющей увидеть новый облик социализма, реальность.

Но сведение всего ненаучного, воображае-

мого содержания сознания к мифу — ненаучно! Все воображаемое реально и не является исключительно продуктом манипуляции, обмана, встречи «дурака и обманщика». В работах наших авторов не поднимается вопрос о социальных функциях идеологии. Этот сложнейший, но слабо развитый вопрос марксистского обществознания получил серьезные проработки в учениях А. Грамши и Л. Альтюссера. Молчание советских авторов симптоматично — оно скрывает «белое пятно» теории, выявившееся после прекращения суесловий эпохи застоя о всепобеждающей идеологии рабочего класса, который не может ошибаться. Но историческая эпоха рабочего класса уже позади.

* • *

В популярной ныне антиутопичности изысканий обществоведов и в критике иллюзий прошлого публицистами не учитывается то обстоятельство, что общество должно мечтать, грезить, ставить воображаемые задачи и что мы не знаем ни одного общества в истории, лишенного утопий. Антиутопизм противоречит и европейской цивилизационной рамке, включающей в качестве своего важнейшего элемента Зазеркалье. Чем, как не реально существующей утопией, являются альтернативные движения, почвеннические и монархистские «новые правые» на Западе и в СССР, феминистский постструктурализм антипатриархального типа и т. п.? Могут сослаться на известное энгельсовское противопоставление социализма научного социализму утопическому, но во французском авторизованном издании (1880 г.) работа Энгельса имела другое название, предложенное автором, — «Социализм утопический и социализм научный». Речь не шла в этом варианте о вытеснении или превращении одной формы общественного сознания в другую.

Вхождение нашей страны в рамки мирового цивилизационного стереотипа (такова общая демократическая часть программы нынешних западников-либералов) предполагает наличие европейских интеллектуальных и христианских истоков этого стереотипа, а потому освоение азбуки демократии влечет важные изменения в функционировании элементов общественного сознания. В новых условиях социального развития идеология не функционирует просто как социальная форма, институционализирующая политическое господство класса: она стабилизирует классовый антагонизм через

⁷ См. Н е к р а с о в С. Н. Принцип деконструкции и эволюция постструктурализма. «Философские науки», 1989, № 2.

легитимизацию трудового контракта, правового государства, рынка. Эта система включает как полагание идеала «по необходимости», так и свободное, т. е. утопическое, полагание по произволу воображения.

Утопическое конструирование общественных отношений чисто умозрительным путем удваивает реальный мир и является особой формой «пресуществления» — поисков разрешения социальных конфликтов путем проектирования. Однако цивилизованные и сбалансированные по-европейски утопии нельзя отождествлять с наиболее ядовитыми плодами древа Просвещения: с реакционно-утопическими попытками еще раз перекроить жизнь «на принципах оуэновской коммунии, перетряхнув попутно культурное наследие человеческой цивилизации»⁸. Эти перетряхивания относятся, пожалуй, к стадии детства левого радикализма, определяющего, подобно марксизму и христианству, конец истории путем кровавого армагеддона и установления «царства Божьего на земле».

Сегодня же более важен иной вопрос: возможна ли прогрессивная утопия современности (если очевидно, что политическая утопия является необходимой составляющей общественного сознания) вкупе с прогрессивной... утопической практикой? Или же утопическая деятельность всегда реакционна? Подразумеваемый ответ наших исследователей однозначен: или негативная утопия и такая же практика, или наука и соответствующая ей позитивная деятельность.

В этом плане и сам Ципко, и критикующая его Н. Морозова, несмотря на различие позиций, оказываются в рамках общего алгоритма: Сталин исходил из негативных (хотя и возвышенных) утопических идей и вершил отрицательное утопическое деяние. Разница лишь в том, что Ципко считает набор сталинских постулатов ортодоксальным марксизмом (за что и подвергается справедливой критике)⁹, а Морозова полагает сталинскую теорию немарксистской и так же прямо соответствующей немарксистской деятельности. Но оба-то они исповедуют недиалектический постулат соответствия теории и практики, оба уповают на науку и соответствующую ей благую практику. Как отмечал еще Ф. Ницше, лишь мораль может нас уверить в том, что мысль имеет

благую природу, а мыслитель по природе своей стремится к познанию истины. В этом случае за кадром мысли остаются социальные механизмы, знаковые машины ее производства. Если Ципко и Баталов дают однозначный ответ на вопрос «Кто виноват?», то Морозова невольно ставит вопрос так, что виноватым оказывается Сталин¹⁰. В итоге в центр дискуссии ставится историческая фигура (совсем как у Н. Андреевой, переведшей вопрос о путях перестройки на болезненный весной 1988 г. вопрос об отношении к Сталину). Более верна и глубока, на наш взгляд, позиция Ципко, которая все же дополняет идеи «новых философов», отвергавших всякие «святые принципы». Так, логика Ципко и М. Гефтера ведет к признанию процесса выработки европейской мыслью многообразных ужасных проектов, проходящих затем на живом теле России опытные испытания.

В дальнейшем оказывается, что наши заблуждения выступают как результат европейских исканий, а Россия — как полигон радикальной мысли Запада, ее принципов, идеалов прогресса, просвещения, разума, всей рационалистической философской традиции, а затем и идеалов французской революции. Но такая логика близка рассуждениям «новых философов». Ничего страшного в этой близости нет — ведь самые реакционные идеологии содержат зерна истины и, более того, оказываются катализатором для выработки научных концепций. Примерно так обстоит дело с психоаналитическим изучением человека, так обстоит дело с идеологией «еврокоммунизма», справедливой критикой СССР времен застоя со стороны руководства Итальянской и Французской компартий. Как же разорвать круг Европа — Россия (или теории и практики), столь драматично очерченный в работах наших ученых?

В правовом государстве меняется характер современной утопии, поскольку она перестает быть идеологическим орудием тоталитарной структуры — власти единственной партии, опирающейся на армию и тайную полицию. Утопия получает рациональную и социальную сбалансированность и равноудалается от центров видимой власти, становясь властью невидимой, т. е. идеологической сетью гражданского общества. Компоненты утопического сознания — экзистенциальный, культурный, иллюзорный — выражают надежду социаль-

⁸Ципко А. С. Истоки сталинизма. Очерк первый. «Наука и жизнь», 1988, № 11, с. 52.

⁹См. Б у т е н к о А. П. Виновен ли Карл Маркс в «казарменном социализме»? «Философские науки», 1989, № 4.

¹⁰См. Морозова Н. Сегодня нам Ленин особенно нужен. «Правда», 18 января 1989.

ных меньшинств на изменение их положения. Утопия в позитивном смысле начинает описывать границу между возможным и невозможным, а потому прекращает быть заблуждением даже в своей иллюзорной форме. З. Фрейд проницательно заметил: «Характерной чертой иллюзии является ее происхождение из человеческого желания... иллюзия же не обязательно должна быть ложной, то есть нереализуемой или противоречащей реальности»¹¹. Возникающий ныне плюралистический характер утопий выражает ситуацию выделения гражданского общества из социальной связи, обособления новых социальных слоев, содружеств, движений, их дисперсию внутри гражданского общества. Расцвет утопии и социального воображения, искусств и проектирования сегодня происходит на руинах великих мифов XX в. в условиях перехода к цивилизации «третьей волны». Не вдаваясь в анализ феномена формирующегося социалистического гражданского общества, подчеркнем, что в его рамках складывается новый тип гегемонии, названный Грамши «гегемонией без подавленных союзников».

Современная утопия отражает многообразие воображений множества социальных групп, хотя часто манипулятивно сводится к единому национальному проекту вроде футурологической модели О. Тоффлера или новой Европы «новых правых». Но идеологический эффект искажения и утопический эффект проектирования не могут быть объяснены властью аппарата дезинформации. Так, французский марксист Б. Мульдорф подчеркивает, что «политическая дискурсия обнаруживает себя перед индивидами в неизбежно преломленном виде, имеющем множество уровней, в виде различных слоев воображаемого, можно сказать, скрытого воображаемого... То, что называется мышлением, суть специфическая мифологическая дискурсия, присущая каждой социальной группе»¹².

Любая социальная теория функционирует в качестве утопии, идеологии, науки, мифологической дискурсии, причем речь идет не только о теории, официально признанной в качестве государственной идеологии, но о социальных теориях различных групп общества, функционирующих в нашей стране в виде программ

и моделей партий, союзов, движений, фронтов, комитетов. Эти социальные теории не могут быть отождествлены ни с чистой наукой, ни с идеологией, ибо они выступают в качестве совокупного дискурса социальных групп и не являются некоей онтологически существующей надстройкой над первичной социальной связью.

Здесь, по сути, нет деления науки, идеологии, утопии (хотя в полемике, социальной борьбе это деление проводится), нет размежевания на базис и надстройку, нет оппозиции и однозначной корреляции теории и реальности. Между ними есть семиотическая, дискурсивная зависимость, образующая сети реальности, означенной символически. На этой почве реальности вырастают деревья научных дисциплин, кустарник идеологий, стелются травы утопий, скрывающие корневища мифологий и символик. Социальный плюрализм в области мнений и взглядов должен быть доведен до его следующей точки — плюрализма социальных теорий. В противном случае вместо «100 цветов» и «100 соперничающих школ» придется говорить об одном теоретическом цветке единомыслия, цветущем во всех умах и идентичном самому себе. Такой финиш идеи плюрализма вытекает из презумпции теоретического (читай — научного) монолитизма общественного сознания, из идеала «чистой науки», единой для всех верифицируемой истины. В данном случае сталинская классовая модель «двух наук» уступит место классической философской концепции универсальной истины, что поставит философию в позицию государственной идеологии, обладающей абсолютной юридической властью. Демократическая презумпция, отражающая плюрализм социальной и идеологической структур, иная — множество субидеологий, субутопий, научных дисциплин и исследовательских полей, школ и практик внутри единой идеологии национального согласия. Теоретический плюрализм предполагает изменение самого отношения к смыслу терминов «идеология», «утопия», «наука», «миф», «иллюзия». Они должны быть лишены негативного звучания. Идеология может быть понята в многообразных функциях установления социального согласия (а не просто искажения). Короче, нам следует истребить в себе остаток Наполеона, введшего в оборот термин «идеология» с презрительно-обличительным оттенком.

Утопию следует воспринимать как необходимый элемент целеполагания, как правило,

¹¹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии. «Вопросы философии», 1988, № 8, с. 146.

¹² M u l d o r f B. Imaginaire collectif, inconscient individuel. «La Pensee», 1981, No 219, P. 136.

социальных меньшинств. Иллюзии же оказываются не просто временным «иллюзорным солнцем», но необходимым условием установления единства образов и репрезентаций, вроде «образа Я», образа прогресса с его телеологическими ступенями, обозреваемыми «сверху» счастливым самосознанием. Науки наконец-то должны быть поняты как особая логика дискурсивных цепей, строящих правдоподобные высказывания в условиях многозначного, диверсифицированного мира. Марксистская дилемма заключается в выяснении того, может ли общественное сознание функционировать в чисто рациональном плане или же оно неизбежно создает воображаемое отношение к реальным условиям существования индивидов, будь то в виде религиозных верований, политических утопий и иных культурных образов реальной жизни.

Научность марксизма как «философии практики» заключается не в осуждении воображаемого и не в сведении, допустим, религиозных конфликтов к политической, социальной и национальной борьбе, но в понимании того, почему и как эти конфликты обрели религиозную (или иную) форму. Марксизм при всем его воображаемом содержании научен потому, что учитывает все способы социальной организации мышления, включая условия производства сознания, верований, морали, политических идей и вкусов. Сейчас очевидно, что гносеологические источники верований, политического утопизма не исчезают с возведением основ нового общества.

Общий анализ ценностных систем как материальных, физических объектов показывает, что воображаемые знания людей не могут быть верно поняты как целиком ложные, мистифицированные, иллюзорные и подлежащие отбрасыванию, или сведению к «земной основе» во имя идеала чистого научного знания. Реальность воображаемого в форме идеологем и утопизма любого толка не подлежит сомнению, а изучение его позволит лучше понять наше общество и наше мышление,

функционирующих в многочисленных социальных полях и отношениях власти. Центральным вопросом дальнейших марксистских исследований должно стать выяснение отношений между плюралистическим воображением, содержанием мышления и материалистическим пониманием воображаемого с помощью многоликой социальной теории.

Прохождение марксизмом своего второго круга — от сталинизма до плюрализма (через этапы гуманизма, антигуманизма, рационализма) — позволяет дать ответ на вопрос: переживает ли он возрождение или инволюцию? Если первые два этапа напоминали инволюцию — возвращение к исходному состоянию круга марксистских идей, то третий и четвертый этапы прямо заставляют говорить о возрождении и новом облике марксизма, обретающем новые источники и составные части. И хотя борьба за реализацию плюрализма продолжается, само повторяющееся, в разных странах по-разному, прохождение этапов гуманистической и затем антигуманистической зараженности, рационалистической баррикадной раскладки исторической вины показывает, что достижение плюрализма ведет не к гибели и отбрасыванию марксизма, но к его возрождению на принципиально новой основе. Утрачивает ли марксизм в этом возрождении на основе общечеловеческих ценностей свое собственное лицо? Думается, что нет, ибо марксистская претензия на научность подкрепляется реальной коммунистической перспективой, точнее, перспективой, альтернативной социалистическому обобществленному царству труда и капиталистическому господству частной собственности. Поэтому происходящая ныне метаморфоза марксизма в целом не может быть названа регрессивной: при всех колебаниях и необходимых отклонениях, при поляризации точек зрения идет прогрессивное развитие марксизма как «философии практики», по определению Грамши.

© С. Некрасов, 1991.